

Содержание

Е. Б. Смагина

Три источника и три составные части

«Псевдо-Климентин»5

История изучения, структура текста.....5

Проблема гностических мотивов 14

Литература20

Климентины. Гомилии25

Гомилия 126

Гомилия 2.....39

Гомилия 3.....62

Гомилия 4.....93

Гомилия 5.....104

Гомилия 6.....117

Гомилия 7.....131

Гомилия 8.....137

Гомилия 9.....147

Гомилия 10157

Гомилия 11.....168

Гомилия 12185

Гомилия 13204

Гомилия 14	215
Гомилия 15	222
Гомилия 16	229
Гомилия 17	243
Гомилия 18	257
Гомилия 19	272
Гомилия 20.....	292

Д. В. Щедровицкий

Мог ли апостол это сказать?.....	309
Как относился Петр к Священному Писанию?	309
Кто провозгласил, что Писания полны заблуждений?	314
Единобожие Петра и многобожие Симона	325
Кто такой Симон Волхв?.....	327
Самаряне и гностицизм.....	330
Адам и Мессия. Реинкарнация	334
Текст Торы и его передача	341
«Сизигии» — у гностиков и в «Климентинах»	346
Противоречия в учении о библейском змие.....	350
«Две руки» Бога.....	353

Приложение

Послание апостола Петра к апостолу Иакову.....	361
Указатель имен	365

Е. Б. Смагина

Три источника и три составные части «Псевдо-Климентин»¹

История изучения, структура текста

Вниманию читателя предлагается русский перевод Псевдо-Климентовых Гомилий — одной из основных составных частей так называемых «Псевдо-Климентин». Традиция приписывает этот корпус текстов историческому персонажу, он же первое лицо повествования, — Клименту, епископу Римскому (ум. ок. 110 г.), одному из преемников ап. Петра; здесь он отождествляется с Климентом, родственником императора Домициана. Но на самом деле этот корпус текстов датируется более поздним временем, минимум столетие спустя после Климента. «Псевдо-Климентины» представляют собой уникальный образец раннехристианской литературы, точнее, ее иудеохристианской ветви.

В состав «Псевдо-Климентин» входят следующие тексты: 1) Послания апостола Петра к Иакову, первому епископу Иерусалима; 2) Послание Климента к Иакову; 3) «Гомилии»²

¹ Редакция предпочитает название «Климентины», в этой же статье данный корпус текстов именуется «Псевдо-Климентины», поскольку носит псевдоэпиграфический характер.

² *Γρη. ὁμιλία*. Здесь лучше всего переводить как «беседа».

(называемые также *Klementia*); 4) «Узнавания»; 5) «Эпитома (сокращенное изложение) деяний Петра».

Основную часть корпуса составляют два варианта приписываемого Клименту текста, который относят к жанру античного романа: сохранившиеся в греческом оригинале «Гомилии» и так называемые «Узнавания» (лат. *Recognitiones*), дошедшие в латинском переводе Руфина Аквилейского (ок. 406 г.). Это самый ранний известный нам образец христианской литературы в жанре романа. Большей частью «Гомилии» и «Узнавания» параллельны по содержанию, но в ряде мест расходятся. Частично сохранились сирийские версии «Узнаваний» (книги 1–4, самая ранняя рукопись — 411 г., перевод сделан, очевидно, ок. 380 г.), фрагменты армянской версии, цитаты в раннехристианской литературе, пересказ сюжета романа в эфиопских житиях.

«Гомилии» полностью дошли до нас в двух рукописях: из Парижского (*Bibliothèque nationale de France*, Cod. Parisinus gr. 930, рукопись X в., окончание утеряно) и Ватиканского собрания (*Biblioteca Apostolica Vaticana*, Cod. Vatic. Ottobonianus gr. 443, fol. 2r–160v, рукопись 1562–1564 гг.).

Начиная со второй половины XVII в., когда «Гомилии» были впервые опубликованы [Cotelier], встал вопрос о происхождении «Псевдо-Климентин» и истории их формирования. В настоящее время господствует мнение, что оба основных текста связаны с одним и тем же более ранним первоисточником. Одни исследователи считают, что составители «Гомилий» и «Узнаваний» использовали этот источник независимо друг от друга, иные — что какая-то из двух книг оказала влияние на другую. Об истории исследования и гипотезах см. [Jones; Wehnert].

В Псевдо-Климентовом романе выделяют три основных мотива или составных части.

1. «Роман узнаваний». Это собственно роман о жизни именитого римлянина Фауста и его семьи, составляющий главную сюжетную линию. Проследившая эту линию, можно убедиться, что книгу не зря называют «первым христианским романом». В построении, событиях, перипетиях, характере персонажей, даже в местах действия отчетливо проявляются традиции позднеантичного или эллинистического романа, от которого до наших дней полностью дошла так называемая «великая пятерка»: романы «Херей и Каллироя» Харитона, «Повесть о Габрокоме и Антии» Ксенофонта Эфесского, «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия, «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Эфиопика» Гелиодора. Но в позднеантичные времена было известно и популярно гораздо большее количество произведений этого жанра. Несмотря на разнообразие деталей, эллинистический роман строится в основном по одной и той же схеме, с теми же топосами и элементами конструкции. В «Псевдо-Климентинах» можно выявить все эти традиционные приемы и общие места: расставание влюбленных или супругов, разлучающая их катастрофа (обычно это кораблекрушение), странствия, гонения и невзгоды, любовные домогательства, мнимая смерть, вмешательство божества, встреча разлученных рядом с храмом или в храме, радость узнавания и обморок, счастливое воссоединение главных героев в финале. Есть даже предположение, что «Псевдо-Климентины» представляют собой переработку некоего не дошедшего до нас позднеантичного романа [Holzberg, 23–26].

2. «Роман становления». История духовных исканий Климента, его встречи с Петром и обращения. Этот романический сюжет явно взят из другого источника по сравнению с вышеупомянутым. Объединяет их прежде всего фигура Климента, но исследователи давно заметили, что между Климентом «семейного романа» и «романа

становления» есть существенные различия. Более того, если здесь он играет главную роль (пока его не отодвигает на второй план Петр), то в семейном романе он — явно вставной персонаж, в первоисточнике семья Фауста состояла из супружеской пары и двух сыновей-близнецов. Правда, здесь парность и сходство сыновей не играет той сюжетообразующей роли, что придана им в «Менехамах» Плавта и в восходящей к этой пьесе шекспировской «Комедии ошибок»; но сама эта деталь явно восходит к тем же позднеантичным сюжетам [Bousset]. Неразвитой остается разве что любовная тема, обязательно присутствующая и главная в позднеантичном романе, но неуместная в книге о религиозных исканиях. Однако следует заметить, что опосредованно она проявляется и здесь. В завязке «романа» Климент, подобно безнадежно влюбленному, терзается и чахнет в своих философских исканиях (Гом. 1:2). Далее он притворяется безответно влюбленным, чтобы разоблачить Аппиона (Гом. 5:3 и далее); в главе 5 приводятся даже тексты любовной переписки с прославлением Эроса, восходящим, помимо прочего, к «Пиру» Платона и «Похвале Елене» софиста Горгия [De Vos, 84–85]. Нигде в христианской литературе не засвидетельствован такой панегирик Эросу, как в послании Аппиона [Côté, 2006, 163]. Раздел о главенстве и могуществе Эроса вызывает ассоциации, в частности, с мотивом покровительства и всемогущества Эроса в «Дафнисе и Хлое».

3. Новелла о споре Петра с Симоном Волхвом, представленная в форме диспутов о философских и мифологических учениях. Греческие мифологические представления излагаются в основном на материале «Теогонии» Гесиода и других дохристианских источников. Составитель «Псевдо-Климентин» обнаруживает широкие познания в древнегреческой философии, хотя порой не совсем точен в характеристике

философских учений. Он искусно владеет риторикой и диалектикой — двумя главными искусствами античной παιδεία (греч. обучение, образование, культура), используя их для критики двух главных предметов «пайдеи» — мифологии и философии [Côté, 2006, 164–165].

Эта третья литературная единица помогла составителю связать оба вышеназванных сюжета. Петр, вошедший в роман как оппонент Симона, вырастает в центральную фигуру в повествованиях о крещении Климента и восстановлении семьи. Роман оказался целостным только благодаря фигуре Петра. Он предстает главным действующим лицом во всех трех сюжетах — как наставник Климента, организатор воссоединения его семьи и антагонист Симона — и постепенно вытесняет Климента как центральный персонаж. Это отражается даже в том, что иногда повествование ведется от третьего лица вместо первого; Ю. Венерт объясняет это небрежностью составителя [Wehnert, 214–215].

В «Псевдо-Климентинах» с немалым искусством объединены эти три части. Но при внимательном рассмотрении можно обнаружить нестыковки в линиях соединения частей и даже некоторые нарушения логики повествования.

Так, диспуты в Тире (Гом. 4–6) своей эллинистической окраской и сменой действующих лиц резко отличаются от других частей романа. По-разному представлен даже главный герой. «Тирский» Климент, хотя и остается первым лицом повествования, не имеет ничего общего с «кесарийским», кроме имени и происхождения из римской знати. Несколько по-разному выглядит путь его духовного становления: «кесарийский» Климент в ходе сюжета обращается от языческой философии к христианству, а «тирский» — от отеческих верований и почитания богов к иудейскому монотеизму [Schmidt, 196–197].

Отчетливо проявляется различие в источниках, на которые опирался составитель: в романе с его мотивами астрологического фатализма явно прослеживается дохристианский источник, проповеди Петра носят иудеохристианский характер, обсуждения философских учений и мифов представляют апологию иудаизма [Schmidt, 18–19]. Составные части романа разграничены даже географически: диспут Петра с Симоном (Гом. 2–3) проходит в Кесарии, диспуты Климента с Аппионом о мифологии — в Тире, проповеди Петра (Гом. 9–12) — в Триполисе, сюжетные линии «романа узнавания» продолжаются на острове Арадос, в Антарадосе и Лаодикии (Гом. 12–15), последний диспут Петра с Симоном (Гом. 16–19) — также в Лаодикии.

Вызывает интерес географический аспект. «Псевдо-Климентины» — один из первых примеров описания Святой земли как сакрального пейзажа. Примечательно, что путь Петра, с одной стороны, отчасти проходит через те города и области, которые, по каноническим «Деяниям», посетил ап. Павел, — Антиохию, Тир и Кесарию. С другой стороны, география «Псевдо-Климентин» во многом совпадает с маршрутами странствий героев четырех античных романов. Путешествие на о. Арадос через Тир описано в «Херее и Каллирое», почти тот же путь мы видим в романе «История Аполлония, царя Тира» (восходит, очевидно, ко II в.). В «Левкиппе и Клитофонте» странствие проходит через Тир, Сидон и Бейрут, в «Эфесиака» Ксенофонта Эфесского (II в.) — через Тир, Антиохию и Тарс Киликийский. Более того, точки соприкосновения прослеживаются не только в топографии, но и в сюжете. Развязка «романа узнавания» начинается на острове Арадос; там же происходят ключевые события романа «Херей и Каллироя». Возможно, составитель «Псевдо-Климентин» использовал пробел в канонической истории Петра и смоделировал

топографию книги, объединив мотивы античного романа и описанной в текстах Нового Завета миссии Павла, чьим антагонистом, по мнению некоторых исследователей, здесь выступает Петр [Vielberg, 85–87].

Ряд исследователей усматривает в «Гомилиях» противостояние и полемику Петра с ап. Павлом, особенно явственно, на их взгляд, проявляющиеся в Гом. 2:16 и 17; об этом см. [Cirillo]. Первоисточники исходят, по всей видимости, из упоминания Петра о «неудобовразумительных» словах посланий Павла (II Петр 3:16). Во всяком случае, если Павел сосредоточивает внимание на обращении язычников, то Петр в Гомилиях и «Узнаваниях» предстает решительным поборником иудеохристианства (хотя в результате и обращает целую семью римлян). В Гом. 8:5–7 даже проводится как бы знак равенства между иудаизмом и христианством, между Моисеем и Христом: «ибо одно и то же учение у обоих, и того, кто уверует в любое из них, Бог принимает» (Гом. 8:6). Некоторые исследователи предполагают, что в «Псевдо-Климентинах» проводится параллель, может быть, в какой-то степени даже отождествление Павла с Симоном Волхвом [Vielberg, 86]. Но, скорее всего, в образе Симона следует видеть не собственно Павла, даже не Маркиона или какое-либо конкретное историческое лицо, а собирательный образ носителя еретических воззрений [Côté, 2001, 514–19], тем более что Симон как самый ранний описанный в литературе ересиарх стал считаться «отцом всех ересей».

Делаются попытки выявить и реконструировать первоисточник «Псевдо-Климентин» — по терминологии первого исследователя, задавшегося этим вопросом [Lipsius, S. 14 ff.], он именуется термином *Grundschrift* (нем. *основное писание, основной текст*). Цитаты из этого первоисточника и следы его употребления находят у раннехристианских

авторов — у Оригена, Епифания, может быть, у Лактанция. Разумеется, вставал вопрос и о том, что лежало в основе этой гипотетической *Grundschrift*. Но попытки выявить, к каким письменным памятникам она восходит, не дают надежных результатов. Один из таких конструкторов, который, как предполагают, составил часть «романа становления», известен в научной литературе под условным названием Κηρύγματα Πέτρου «Керигмы (то есть проповеди) Петра» (не путать с одноименным писанием, которое цитирует Климент Александрийский). Исследователи пытались выявить и восстановить «Керигмы» на основе текста «Псевдо-Климентин», в частности по выдержкам из монологов Петра, в первую очередь по Гом. 2–3 [Irmscher–Stricker]; но все это остается на стадии предположений. Кроме того, в числе первоисточников предполагаются некие не сохранившиеся апокрифические «Деяния Петра» [Waitz, 244 f.], но и этому нет бесспорных подтверждений.

Особый раздел представляют собой главы Гом. 4–6, отличающиеся от других разделов не только по тематике, но и по словарю и стилю. По всей видимости, это вставка в общий сюжет из какого-то самостоятельного источника [Adler]. Но есть мнение, что раздел вовсе не чужероден и органически вписывается в общий контекст повествования [Reed, 208]. Существует предположение, что основой для Гом. 4–6 послужила некая эллинистическая александрийская «Книга диспутов», написанная во II в. н. э. [Schmidt, 298]. Раздел посвящен изложению греческих мифов и полемике с ними, причем опровергаются не только мифы как таковые, но и их аллегорическое толкование. Это позволяет предположить, что «Псевдо-Климентины» имеют в виду, помимо прочего, полемику сирийских христиан против аллегорического толкования Библии александрийской школой [Shuve, 95–97], с чем хорошо согласуется и указание

на александрийское происхождение и образование Симона Волхва (Гом. 2:22), и инвективы в адрес египтян (Гом. 6:23; 10:16–17). К выпадам в сторону александрийцев следует отчасти отнести и разочарование Климента в философах (Гом. 1:3), которые поиски истины заменяют пустыми дискуссиями и построением изошренных силлогизмов; философия также ассоциируется в «Псевдо-Климентинах» с Александрией [Shuve, 32–35]. Не случайно спутниками и своего рода представителями «отца всех ересей» Симона выступают ученый-грамматик, астролог и философ-эпикуреец как представители всех направлений эллинской языческой науки (Гом. 4:6).

О датировке корпуса также существуют разные мнения. Одни ученые датируют окончательную редакцию книги последними десятилетиями III в., другие, усматривая в тексте следы полемики с арианами, называют IV в. [Jones, 73–4]. В частности, текст хорошо вписывается в мир Сирии IV в. [Kelley]¹.

В тех частях текста, где повествуется о событиях, современный исследователь выделяет несколько стадий редактирования:

1. Самый древний повествовательный слой — рассказ-новелла о споре Петра с Симоном Волхвом, по датировке близкий апокрифическим «Деяниям Петра» (рубеж II и III вв.).

2. Собственно Псевдо-Климентов роман — результат сочетания древнего повествования и двух романических сюжетов, построенных вокруг обращения Климента и воссоединения его семейства; датируется временем между 220 и 270 гг.

3. Стилизация романа в контексте переписки Климента с иерусалимским епископом Иаковом.

¹ Выражаю благодарность Г. Г. Ястребову за указание на эту книгу.

4. Редакция «Гомилий», ок. 270–290 гг., и «Узнаваний», начало IV в. [Wehnert, 211].

Вставленные в фабулу романа поучение, полемическая речь, миссионерская проповедь и составляют главную цель «Псевдо-Климентин», а занимательная романическая часть предназначена для того, чтобы привлечь внимание читателя к богословским идеям. В целом «Псевдо-Климентины» близко стоят к литературе апокрифических деяний, чья отличительная черта — «псевдоапостольское» поучение в форме новеллы [Schmidt, 126–127].

Подробно об истории изучения корпуса и вопросах жанра см. [De Vos–Praet; Jones].

Проблема гностических мотивов

Неоднократно вставал вопрос о гностических мотивах в «Псевдо-Климентинах» и даже о гностическом характере книги в целом. Исследователи раннего периода усматривали в романе сходство с учением секты эбионитов в таком виде, как она представлена у ересиологов (Епифаний. Панарион 30:16,2; Ириней. Обличение лжеименного знания 1:26,2). Собственно, обнаруживаются две характерные черты, роднящие воззрения Петра и эбионитов. Это, во-первых, учение о двух царствах, нынешнем и грядущем, подробнее всего изложенное в Гом. 20:2. Подобное же учение исповедовали эбиониты, по свидетельству Епифания. Вторая характерная черта — аскетический идеал Петра, по Гом. 12:6, он ест только хлеб, маслины и немного овощей, имеет одну одежду и плащ. Это сопоставимо с аскетизмом эбионитов по Епифанию (Панарион 30:15).

Но это может свидетельствовать не собственно о гностицизме (что само по себе понятие довольно расплывчатое), а об одной из линий развития иудеохристианского

учения на ранней стадии. Противопоставление «века (или мира) сего» и «века (мира) грядущего» можно проследить не только в Новом Завете, но и в иудейских толкованиях — в Талмуде и мидрашах. А крайний аскетизм в раннем христианстве — вообще явление не уникальное.

С таким же основанием можно говорить о близости Петра к секте гемеробаптистов — «ежедневно омывающихся» (см. Гом. 2:23 и примечание). Не случайно отмечается, что Петр начинает и заканчивает день омовениями, причем не только перед трапезой (что можно было бы приписать иудейскому правилу омовения рук перед едой). Так, в Гом. 10:1 он совершает омовение в проточной воде перед очередной проповедью.

Учение о сизигиях, занимающее в романе значительное место (Гом. 2–3), также можно было бы счесть гностической чертой. Но этот термин восходит к гораздо более ранним временам и здесь употребляется несколько иначе.

Противостояние двух начал служит организующим элементом мироздания в целом ряде античных философских учений. В частности, оно входит в систему Платона. Аристотель говорит, что пифагорейцы основывали бытие на десяти парах сил: предел/беспредельное, правое/левое и т. п. Часто для обозначения этого элемента употребляется термин *συζυγία* («сизигия» — греч. *сопряженность, пребывание в одной упряжке; супружество; связь, сочетание, пара*). Это слово широко употребляется в греческой литературе, в частности у Аристофана, Эсхила, Эврипида и позднейших авторов. Учение о парах противоположностей, таких как правое/левое, мужское/женское, проходит через всю греческую философию, начиная с досократиков и заканчивая более поздними: Плотин, Порфирий в изложении учения стоиков, Ямвлих, Прокл употребляют этот термин.

В литературе он встречается постоянно, а в научных трактатах по грамматике, математике, медицине и анатомии может вообще означать какую угодно пару элементов и явлений. В древней астрономии и астрологии сизигия означает сопряжение или противостояние небесных тел, прежде всего термин относится к новолунию и полнолунию, то есть соединению или противостоянию небесных тел (астрологи Веттий Валент, II в., Гефестион Фиванский, начало V в., и др.)¹. В частности, у Клавдия Птолемея засвидетельствовано около 90 случаев употребления этого слова.

В Септуагинте (Иез 1:11.23, 3 Макк 4:8) и Новом Завете (Мф 19:5 и Мк 10:9, *σὺζυγος* в Фил 4:3) неоднократно засвидетельствованы слова от этого корня. Что касается библейской экзегезы, то их употребляет Филон («О жизни Моисея», «О потомстве Каина»): мироздание, по его словам, построено на парах противоположностей, сначала этот закон открыл Моисей, потом повторил Гераклит.

Учение о парности элементов мироздания сформулировано во второканонической книге «Премудрость Иисуса, сына Сирахова». Притом в начальных словах, как и в «Псевдо-Климентинах», первым выступает отрицательный элемент:

Злу противоположно добро, смерти противоположна жизнь, так и благочестивому противоположен грешник. Итак, посмотри на все дела Всевышнего — всех по два, одно против другого (Сирах 33:14–15).

В святоотеческой литературе термины *σὺζυγία* («сизигия») и *σὺζυγος* («сизигос») также засвидетельствованы в традиционном смысле. В трудах ересиологов — Иринея, Климента Александрийского и Псевдо-Ипполита — эти термины применяются в изложениях гностического уче-

¹ Выражаю благодарность Г. Г. Ястребову за это дополнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru